

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
университет»

С.В. Микушев

«04» сентября 2023 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию Мартыанова Виктора Сергеевича «Историческое становление и трансформация политического нарратива Модерна», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 – История и теория политики

Актуальность диссертационного исследования, посвященного историческому становлению и трансформации политического нарратива Модерна, не вызывает сомнения. Нарратив Модерна в равной степени уже давно определяет программу общественных наук, выполняя ключевую идеологическую функцию обоснования способов легитимации социально-политических институтов современных обществ. Несмотря на широко распространенные представления о том, что мир вступил в эпоху «Постмодерна», нарратив Модерна по-прежнему продолжает оставаться системообразующим, хотя различные его аспекты постоянно подвергаются разнообразной критике.

Причины такого положения вещей очевидны: нарративу Модерна до сих пор не появилось равновеликих альтернатив, позволяющих столь же всеохватно анализировать актуальные социально-политические трансформации современных обществ. В то же время, взаимная обусловленность идеологического и научного аспектов нарратива Модерна в постбиполярном мире наталкивается на существенные ограничения. Происходящие перемены все менее эффективно описываются классическими дискурсами современных идеологий, что ставит под сомнение и собственно научные парадигмы, сформировавшиеся в рамках нарратива Модерна.

В то же время очевидно, что глобальный социальный эксперимент Модерна еще не закончен, окончательного общественного консенсуса относительно целей и возможных путей развития длящейся эпохи Модерна достичь не удастся. Поэтому базовые политические координаты нарратива Модерна сохраняют свою актуальность и релевантность, а в политической мысли продолжают доминировать познавательные модели, опирающиеся именно на нарратив Модерна. Вместе с тем, несмотря на широкое употребление понятия Модерна, его содержание нередко не подвергается детальному осмыслению: для многих ученых Модерн образует лишь формальную рамку, а не сам объект изучения. Все это ведет к тому, что актуальность дискуссий о политическом нарративе позднего Модерна только нарастает.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным рассмотрением политического нарратива Модерна как либеральной утопии, которая по мере исторического воплощения трансформировалась в принципиально новую систему ценностно-идеологических координат – в дифференцированное и противоречивое самописание

(идеологии и утопии, социальные науки) современного политического порядка. В диссертации развивается тезис, согласно которому политический нарратив Модерна в процессе исторических видоизменений не был вытеснен альтернативным политическим нарративом соразмерного уровня универсальности, легитимности и релевантности. Значимым аспектом новизны является обоснование того, что поздние версии нарратива Модерна имплементируют многие идеи и ценности, которые в первоначальных версиях Модерна были отодвинуты на задний план и выступали в качестве потенциально возможных альтернатив. В диссертации доказывается, что значительная часть этих идей и ценностей стала основанием постмодернистских теорий. Но именно поэтому вместо вытеснения нарратива Модерна постмодерном можно говорить лишь о последовательном включении постмодернистских теорий в сферу критической саморефлексии Модерна.

Среди других имеющих элементы новизны большого внимания заслуживают авторская интерпретация понятий «рента», «рентно-сословный социальный порядок» и др., позволяющих более убедительно описывать происходящие в современных обществах политические процессы и изменения. Также обращает на себя внимание выявление автором наиболее существенных противоречий политического нарратива Модерна. Автор стремится доказать, что в историческом плане нарратив Модерна являлся способом сгладить моральный кризис христианства в условиях нарастания секулярной динамики капиталистической миросистемы. В диссертации вполне убедительно показано, что, несмотря на разного рода локальные и временные откаты, волны модернизации нигде в мире не повернули нарратив Модерна вспять. Автор последовательно обосновывает идею, согласно которой современные общества становятся все более схожими в своих доминирующих ценностных и институциональных иерархиях, что более не позволяет убедительно противопоставлять их по принципиально разным основаниям политических классификаций западного политологического мейнстрима.

Обоснованность выводов и положений, выносимых на защиту диссертации В.С. Мартьянова определяется как большим количеством проанализированных русскоязычных и зарубежных источников, так и разработкой методов анализа, адекватных для решения поставленных задач.

Основные результаты исследования изложены в многочисленных научных работах, в том числе 42 статьях в рецензируемых журналах, включенных в Перечень ВАК РФ, 3 монографиях и ряде глав в коллективных монографиях. В диссертации отражены содержание и результаты указанных научных публикаций, выполненных соискателем ученой степени лично.

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Краткая характеристика основного содержания работы

Диссертация состоит из введения, двух частей, разделенных на главы и параграфы, заключения, списка литературы.

Первая часть посвящена анализу факторов становления и доминирования политического нарратива Модерна. В *первой главе* рассматривается возникновение нарратива Модерна и специфическая функция моральной легитимации капиталистической миросистемы, которую он объективно выполнял с самого начала своей истории. В связи с этим излагается авторское понимание политического нарратива Модерна и анализируются имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе ключевые подходы к рассмотрению данного феномена. Исходным пунктом выступает обоснование авторского подхода, который заключается в формулировании модели описания Модерна именно как нарратива, а не «проекта», «парадигмы», «идеологии» и т.д. Показывается, что «социальные науки и их научная программа в привычном виде возникли и исторически развертывались, прежде всего, как социально-политический нарратив Модерна» (с. 44). В качестве базовых современных политических нарративов рассматриваются капитализм, либерализм и национализм, а в качестве этических оснований - стремление к универсализации политического законодательства для всего человечества (с. 45). В процессе собственно

анализа ключевых подходов к проблематике диссертации (прежде всего – понимания Модерна и модерности как социально-исторических феноменов) привлекаются теоретико-методологические построения К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса, К. Поланьи, И. Валлерсайна, Ю. Хабермаса, А. Турена, Ж. Бодрийяра, Д. Белла, Б. Латура, Дж. Александера, Д. Норта, Д. Асемоглу, Дж. Робинсона, Ч. Тейлора, Р. Инглхардта, Ш. Эйзенштадта, У. Бека, З. Баумана, П. Вагнера, П. Бергера, Э. Гидденса, Ф. Джеймисона, М.Б. Хомякова, Б.Г. Капустина, Л.Г. Фишмана, С.В. Аكوпова, В.В. Лапкина, С.А. Кравченко и т.д. Делается вывод, что политический нарратив Модерна представляет собой «общее проблемное поле, порожденное, прежде всего, необходимостью ответов на моральные и институциональные вызовы глобального становления капиталистической мирозастемы и одновременно его результатом» (с. 69). Модерные общества становятся все более похожими в своих ценностных иерархиях и, в тоже время, происходит нивелирование разнообразного домодерного культурного наследия. Автор заключает, что наблюдается последовательный отход от нормативного осмысления политического нарратива Модерна в виде бинарных кодов и переходов от одного идеально-типического состояния общества к другому. Несмотря на это, наиболее убедительные социальные теории все еще продолжают опираться на методологические традиции нарратива Модерна (с. 72).

Значительное внимание уделяется роли концепта революции в политическом нарративе Модерна. Справедливо указывается на то, что революция в политическом нарративе Модерна является сакральной точкой отсчета, а политический проект Модерна онтологически претендует на то, чтобы стать бесконечной революцией, «революцией низкой интенсивности». В то же время проект Модерна постоянно наталкивается на необходимость нейтрализации революции как феномена, препятствующего установлению стабильных социальных порядков. (В частности, хотя революция и порождает новое государство, логика государства и логика революции находятся в неразрешимом конфликте).

Причиной является то, что революция отчасти «внеположена» также и самому Модерну, поскольку она «может стать новым абсолютным событием, вытесняющим Модерн в пользу тотальной альтернативы; событием, обновляющим саму систему современных идеологических координат» (с. 77). Революция невольно указывает на историчность современного порядка, обнаруживает, что он не вечен, уязвим, когда-то был сконструирован и может быть в перспективе превзойден. Настоящими, подлинными революциями автор считает те, которые знаменовали переход от Старого, «традиционного» порядка к Модерну, что проявилось в ликвидации сакрального «центра» дореволюционных обществ. Остальные революции, вроде «цветных» таковыми не являются, поскольку они не подразумевают радикального разрыва, а являются собой, скорее, «дискурс ремонта».

Парадокс современного политического порядка заключается в том, что он содержит в себе зерна революции, которые, тем не менее, никогда не вызревают полностью, поскольку современный порядок не содержит «центра-абсолюта» и постоянно меняется в соответствии с текущей реконфигурацией социальных сил. Оценивая роль революций в становлении современных порядков, В.С. Мартыанов приходит к выводу, что «революции непосредственно не порождают политико-экономический и культурный порядок Модерна. Они создают новых индивидуальных и социальных субъектов, которые, в силу своей внеположной природы Старому порядку, способны творить другой порядок» (с. 87). Поскольку же таковых субъектов в современных обществах не обнаруживается, то нет и глобальных революционных утопий, которые они порождают, не просматривается и перспектив новых революций. Современные радикальные движения (фундаменталисты, альтерглобалисты, анархисты, новые луддиты, экологи, разные меньшинства и др.), как правило, конструируют свои идейные ниши в виде частных утопий, направленных на решение отдельных проблем и противоречий в современном обществе.

Несмотря на растущую социальную базу революционного запроса, идейные варианты освобождения человеческой природы от нормативного порядка нарратива

позднего Модерна не обрели системного характера. Утопический системный вызов Модерну, связанный с морально более оправданной конфигурацией и иерархией легитимного насилия, пока не обнаруживается. Автор констатирует, что позднему Модерну грозят не столько новые революционные субъекты, сколько их исчерпание, которое может лишить его потенциала критической рефлексии и дальнейшего развития на основе выявленных противоречий. Автор предполагает, что конец эпохи Модерна будет одновременно и концом революции в привычном для нас понимании как способа ее установления и образа существования. Завершают первую главу выводы, касающиеся содержательного определения политического нарратива Модерна и роли в нем революции.

Вторая глава посвящена проблеме консолидации нарратива Модерна. Её исходным пунктом является попытка автора охарактеризовать взаимоотношения политического нарратива европейского Модерна с христианством. В результате В.С. Мартьянов приходит к выводу, что становление политического Модерна во многом совпало с процессами секуляризации, становления национальных государств и развития капитализма. В итоге «функцию гаранта объективности и декартовской самоочевидности взяло на себя сформировавшееся национальное государство... цель спасения души сменилась целью тотальной капиталистической рационализации повседневного бытия, гарантирующей спасение уже в земном мире» (с. 107-108). Фрагментированный средневековым институциональный и культурный универсум Античности и Римской империи распался на множественность национальных, языковых, культурных миров в форме наций-государств, которая, в свою очередь, была интегрирована политическим нарративом Модерна. На уровне ценностей основой политического нарратива Модерна стала буржуазная утопия свободы. Нарратив Модерна фундирован теоретическими интерпретациями и практическими моделями капитализма, либерализма и идеями политического представительства. Социально-политические порядки Модерна легитимируются идеологиями как «светскими религиями», которые одновременно являются альтернативами христианским ценностям.

Одна из главных коллизий связанных с Модерном заключается в его изначальной европоцентричности. С этой точки зрения неевропейский мир долго рассматривался уже не столько как «домодерн», сколько как его «проклятая сторона», включенная в него в качестве периферии капитализма. Однако, несмотря на то, что нарратив Модерна был инициирован Европой, в процессе глобализации он постепенно поставил под сомнение значимость уникальных черт европейского Модерна. В итоге политический нарратив Модерна, прежде всего, фиксирует эффективные и относительно нейтральные правила и стандарты общественной и индивидуальной жизни, порождаемые переходом человечества к современности. Институциональная вариативность нарратива Модерна практически не связана с все менее значимыми предшествующими традициями разных обществ, переосмысленными концепцией «множественной модерности». Внутри современности находятся и все критики Модерна, которые, даже ратуя за цивилизационное своеобразие, лишь риторически прикрывают этим частные интересы. Более уместно говорить о глобальном идейно-ценностном единстве нарратива политического Модерна, вариативность реализации которого обусловлена исторически неодновременным охватом капиталистической миросистемой и политическим проектом Модерна разных частей человечества.

Особое внимание уделено сакрализации и критике ключевых понятий Модерна. Автор исходит из того, что поздний или глобализированный Модерн все менее соответствует теориям модернизации, пытавшимся выстроить универсальную иерархию Модерна в мировом масштабе. В условиях позднего Модерна огромное значение приобретают процессы сакрализации/профанации, заколдовывания/расколдовывания мира в объяснительных координатах, характерных для западных обществ. В связи с этим ключевое значение имеет метафора демократии, которая является центром, легитимирующим аксиологическую структуру политического знания. В то же время в мире

нет ни одной идеальной демократии. Соответственно, демократия превращается в символ веры нарратива Модерна, эмпирически недоказуемый, но и неопровержимый. Обосновывается мысль о том, что процедуры и ритуалы массовой политической легитимации в условиях секулярной политики Модерна являются одновременно способом сакрализации. Несмотря на то, что в условиях капитализма и демократии политико-экономический порядок Модерна становится абсолютно прозрачным, функционируя в имманентном пространстве рациональности и рыночных метафор, меняется лишь способ возмещения трансцендентности политики. При этом отмечается, что сегодня ключевые понятия политического нарратива Модерна делегитимируются в результате сведения трансцендентного к имманентному по причине своей банальной институциональной реализации. Наблюдается разочарование в идеологиях, институтах и коллективных практиках, которые уже не дают перспективы будущего. В то же время политический нарратив Модерна не столкнулся с принципиально новыми общественными проблемами, для разрешения которых необходим принципиально новый политический порядок. Не появилось значимых утопических альтернатив как существующему порядку, так и политическому нарративу Модерна. Вторая глава завершается подведением соответствующих ее содержанию итогов.

Часть вторая диссертации, «Глобализация современного общества и попытки нормативно-теоретического преодоления нарратива Модерна» состоит из трех глав. **Первая глава** посвящена проблематике трансформации нарратива Модерна под влиянием критики, пытающейся выдвинуть нормативные альтернативы. Автор исходит из того, что политический нарратив Модерна впервые в истории охватил все человечество. Он выделяет две группы базовых теорий, в которых отразилась необходимость скорректировать дискурс нарратива Модерна: 1) экономикоцентричного плоского мира и 2) множественной модерности. Подробно разбирая концепцию множественной модерности Ш. Эйзенштадта, В.С. Мартьянов приходит к выводу, что она является политкорректной формой свертывания ценностного нарратива Модерна в пользу цивилизационного подхода. В ней множественность модерности превращается в сохраняющееся в эпоху Модерна множество цивилизаций - множество несвязанных между собой модерностей. В итоге остается непонятным, почему все цивилизации вдруг оказались современными, т.е. модерными, несмотря на их культурно-исторические отличия. Согласно автору, Эйзенштадт, «редуцирует все классовые, социально-экономические конфликты к неизменным во времени и истории конфликтам культурным, к несовместимости агентов конфликта на уровне их непоколебимых ценностей» (с. 167). Таким образом, его концепция множественной модерности является «ложной альтернативой развития позднего Модерна, которая воскрешает культурно-цивилизационные границы, отказывается от универсальной морали в пользу этики добродетели, осуществляет редукцию коллективного воображаемого в пользу легитимации партикулярных политических форм и привилегированной эксклюзивности коллективных меньшинств» (с. 168).

Далее цивилизационный дискурс множественной современности в целом подвергается критическому анализу как деуниверсализирующая, локальная интеллектуальная реакция на издержки и неодновременность глобализации Модерна. Он описывается как право не быть современным, не претендовать на универсальность политического законодательства в области целей для всего человечества. Востребованность цивилизационного подхода, прячущегося под маской концепции «множественной современности», характерна для общественных наук стран, либо переживающих откатные волны демодернизации, либо находящихся на периферии миросистемы для оправдания антимодернистских сил и настроений в обществе (с. 177). Сам автор доказывает, что политический проект Модерна может быть адекватно объяснен только изнутри и посредством собственного нарратива, а «культурные факторы могут играть на определенных этапах значимую, но не определяющую роль в расширении нарратива Модерна» (с. 173).

Нарратив Модерна осмысливается как гибкий «социальный конструктор» современности, который может обойтись в разных своих версиях без многих элементов, даже явного капитализма (СССР) или либеральной демократии (Китай). Но у этой гибкости есть пределы: «Модерн всегда должен опираться на то, что бог умер, расколдованный социальный мир действует по рациональным, познаваемым законам, а личность является автономной» (с. 174). В главе анализируются постмодернизм, постиндустриализм и постматериализм как корректирующие стратегии критики либерального консенсуса, лежащего в основе политического нарратива Модерна. Нарратив социально-политических наук организован в виде бинарного кода, проявляющего в ряде бинарных оппозиций, таких как профанное/сакральное (религия), имманентное/трансцендентное (метафизика), цивилизация/варварство (культура), сущность/явление, познаваемое/непознаваемое, сущность/существование, разум/безумие, демократия/тоталитаризм, социализм/капитализм, план/рынок, рациональность/чувственность и т.д.

Интеллектуальная стратегия постмодернизма строится на переворачивании этих оппозиций, что должно было зафиксировать их релятивный (политически ангажированный), а не научный характер. Однако, несмотря на эвристичность такого подхода, постмодернизм не предлагает реалистичных альтернатив, связанных с действительным преобразованием современного общества. Автор доказывает, что «постмодернизм, скорее, воскрешает интеллектуальную изнанку, негативную сторону нарратива Модерна, спекулирует на его разрывах, перифериях, асимметриях и частных противоречиях» (с. 184). Интеллектуальная карта Модерна во многом выработала в социальной теории свой эвристический потенциал, но и постмодерн, в свою очередь, не стал глобальной утопией, бросающей реальный вызов Модерну. Постмодернистской критики и иронии оказалось недостаточно, чтобы окончательно деконструировать нарратив Модерна, скорее постмодернизм стал источником дальнейшего развития нарратива Модерна. Одновременно он обрел вторую жизнь как эффективное обоснование политической практики разнообразных меньшинств.

Аналогичным образом осмысливаются интеллектуальные утопии, связанные с описанием технологического сдвига человечества к постиндустриальному и чуть ли не к посткапиталистическому обществу, которые, будучи слишком прямолинейными, оказались неадекватными для описания реалий современности. В результате популярность получили более приземленные исследовательские концепции постфордизма и постматериализма, которые пытаются выйти на теоретические обобщения социальных изменений жизненного мира позднего Модерна не столько с помощью нормативных предписаний, легитимизируемых через идеал-типический образ будущего, сколько путем осмысления текущих и не всегда явно видимых социальных изменений – тех новых явлений, процессов и тенденций, которые набирают силу в позднемодерном обществе. Однако и они подвергаются критическому осмыслению. С точки зрения автора, постиндустриализм/постфордизм оборачиваются не столько новым типом экономики, сколько процессом создания высокоприбыльных глобальных монополий в достаточно узких сегментах капиталистической миросистемы. Постфордистская постиндустриальная постсовременность оказывается не образом утопического будущего для всех, а «паразитической надстройкой над существующими одновременно с ней индустриальной современностью Модерна и аграрно-сырьевыми обществами домодерна» (с. 210). Более благосклонного внимания удостоивается концепция постепенного глобального сдвига к постматериальным ценностям: «либеральный консенсус, фундированный моделью человека экономического, будет все активнее проверяться на легитимность и универсальность именно постматериальными ценностными альтернативами» (с. 221). Глава заканчивается обобщающими ее содержание выводами.

Вторая глава посвящена онтологической динамике нарратива Модерна. В ней рассматривается как на протяжении истории современных обществ решался вопрос на каких условиях возможен легитимный политический порядок. Решение этого вопроса зависело от

того, какая социальная группа описывалась в качестве онтологически значимого большинства. От этого зависело прояснение политических смыслов и позиций в ходе постоянно корректируемого общественного договора. В качестве первого такого большинства рассматривается третье сословие, чье политическое усиление и освобождение от сословной иерархии Старого режима стало ключевым итогом буржуазных революций. Отслоение от третьего сословия буржуазии и пролетариата сопровождалось также и распадом исходной версии либерального консенсуса, что выразилось в необходимости постоянного согласования консервативных, либеральных и социалистических инвариантов идеологического консенсуса.

С течением времени, по мере размывания классовой основы раннеиндустриальных обществ, в центре внимания оказался так называемый «средний класс», включающий не только мелких предпринимателей, но и менеджеров, ученых, интеллектуалов, госслужащих, работников сферы услуг и т.д. Ему отводилась ключевая роль в воспроизводстве политической основы западных современных обществ – демократии. Однако политическая субъектность среднего класса индустриального Модерна оказалась переоценена. Средний класс оказался плохо приспособлен к коллективным политическим действиям, существуя как разрозненное и молчаливое большинство. Глобальное свергивание социального государства привело к сокращению его экономической базы и превращению данного класса из пространства стабильности в область социальных рисков. Попытки легитимировать современную стратификацию посредством апологии среднего класса также оказались неудачными. В дальнейшем технологическая революция и глобальное уплотнение конкуренции внутри капитализма создали умножающийся класс отверженных или лишних людей, не востребованных рынком труда. Некоторые из них пытаются добиться доступа к материальным ресурсам неэкономическими способами, в том числе через активизацию политики протеста и политики идентичности. Однако большинство таких групп пополняют ряды *прекариата*.

В итоге на горизонте будущего просматриваются контуры будущего рентозависимого класса. Этот зависимый от государства субсидируемый класс с его рентоориентированным поведением, как полагает автор, составляет потенциальные контуры нового большинства. Последнее описывается как «лишнее» в экономическом смысле большинство с утраченной политической субъектностью. Оно может осознать себя в качестве полноценного субъекта только если захочет «не частичного ремонта общества или ренты в обмен на лояльность (поскольку в глобальном масштабе большинству все равно ничего не дадут), а совсем другого общества, в котором оно имеет шанс вновь быть творцом своей судьбы» (с. 262).

Большое внимание уделено проблематике справедливости и дискурса справедливости в современных обществах. Согласно автору, политическая проблематика справедливости возникает по мере крушения Старого порядка с его идеей божественной справедливости. Формирующаяся автономия политического поля приводит к потере веры в неизменные трансцендентные начала справедливости как Правды. Справедливость входит в противоречие с Правдой как тотализирующим и бескомпромиссным понятием, с сомнительными рациональными основаниями. Проблема справедливости во многом определяет центр политической аксиологии Модерна. Справедливость становится категорией, объединяющей мораль и политику в периоды глубоких социальных преобразований. Широкий интерес к проблеме справедливости возникает тогда, когда лежащие в основании политического режима естественно-правовые представления о справедливости теряют статус самоочевидных. При этом сложившееся в обществе статус-кво утрачивает иммунитет к критике. В современном обществе дискурс справедливости вписан в постоянно корректируемые коллективные практики, институты, традиции, релятивен изменчив. Дискурс справедливости возникает тогда, когда в ходе реализации Просвещения и Модерна утопии начинают воплощаться, когда будущее отчасти становится настоящим. Появляющиеся в период позднего Модерна политические теории

справедливости призваны корректировать социальное равновесие в рамках политического нарратива Модерна, показывая, что он еще не реализован до конца и его можно ценностно, институционально и интеллектуально совершенствовать далее. Такие теории справедливости призваны симулировать внутри общества Модерна пространство утопии как чего-то незавершенного. Таким образом, инструментальная теория справедливости является частью проекта эволюционного и контролируемого элитами преобразования общества. Поэтому не случайно сами по себе теории справедливости появляются и вызывают особый интерес уже на закате Модерна, когда будущее стало отчасти настоящим. Новые же теории справедливости могут возникнуть лишь как составная часть политического проекта, выходящего за пределы нарратива позднего Модерна и предполагающего довольно радикальные преобразования современного общества.

Детальному исследованию подвергнута проблематика, вытекающая из изменений социально-политической структуры современных обществ. Констатируется, что в мире активно идут крайне противоречивые процессы структуризации нового глобального общества. Онтологические референты таких привычных понятий классово-индустриального Модерна, как народ, класс, пролетариат, растворяются и претерпевают разные метаморфозы. Новая стратификация все чаще детерминирована теми рентными обменами, которые индивид и его близкое окружение способны поддерживать с государством и его агентами, в том числе на уровне сетей местных сообществ. Наблюдается системная трансформация позднемодерных обществ, в которой свободные рынки уступают регулятивную роль государствам, погоня предпринимателей за прибылью – гарантированной ренте, социальные сети – новым общественным иерархиям, а индивидуальная автономия граждан – поискам новых коллективных сообществ и политике идентичности, посредством которых можно претендовать на увеличивающиеся масштабы распределяемых вне рынка ресурсов. Соответственно, рентоориентированное поведение, связанное с поиском гарантированных статусных рент, все чаще становится более выгодной стратегией, чем рискованная предпринимательская деятельность или стремление занять более выгодные позиции на рынке труда. Все большее количество граждан апеллирует к государству, представляющемуся более справедливым агентом стратификации и распределения ресурсов.

Указанные выше изменения постепенно начинают влиять на трансформацию ценностного ядра политического нарратива глобального Модерна. Так, в формирующихся рентно-сословных обществах гражданская этика принципов уступает сословной этике добродетели. Однако, решая накопившиеся структурные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация создает ростки новых противоречий между новым сословно-рентным ядром этих обществ и отодвинутыми на его периферию рыночными группами. Комплексный кризис взаимосвязанного нарратива эгалитарной (народной) представительной демократии, социального государства, экономических классов и рыночной экономики актуализирует новые механизмы обеспечения социально-политического порядка позднего Модерна в виде государствоцентричной модели рентно-распределительной демократии. В связи с этим В.С. Мартыанов прогнозирует обострение проблемы обмена гражданских прав на ренту, когда элиты с большой вероятностью предложат гражданам отказаться от активного использования своих прав и участия в политической, общественной жизни в обмен на определенный уровень базовой гарантированной ренты, обусловленной их политической лояльностью. Если подобный обмен прав на ренту будет расширяться, то будет легитимирована новая политическая иерархия, что заложит основы нового политического порядка позднего Модерна.

Глава завершается соответствующими ее содержанию выводами.

Третья глава посвящена трансформации нарратива Модерна от мироэкономики к мирополитике. В ней автор отталкивается от положения, что капитализм на ценностном, институциональном и коммуникативном уровнях во многом является онтологической

основой политического нарратива Модерна. В то же время, В.С. Мартьянов отрицает тождество капитализма со свободными конкурентными рынками. Реальный капитализм устроен гораздо сложнее и включает в себя множество способов нерыночного регулирования, построенных на «неэкономических» (т.е. «феодалных», «неопатримониальных» и т.д.) отношениях. Риторика, апеллирующая к свободным рынкам в превращенном виде, остается важным пунктом экономического конструирования и политической легитимации. В текущий период классические способы политической легитимации устарели, поскольку капиталистическая миросистема больше не может привычным способом экстернализовать свои внутренние кризисы, не претерпев серьезной трансформации. Современные общества отличаются не столько рынком или его отсутствием, сколько критериями и механизмами распределения ресурсных потоков, контролируемых государствами. Их отличия скорее количественные, не позволяющими разбить их совокупность на исключаящие подвиды естественных государств/обществ открытого доступа, либеральных демократий/нелиберальных автократий, инклюзивных/эксклюзивных обществ с последующими сомнительными морализациями по поводу подобных описаний. В такой ситуации формирующееся глобальное большинство заинтересовано в том, чтобы создать альтернативный порядок, в котором его общественная, политическая ценность восстановится в не связанных с капитализмом (капиталом, трудом и т.д.) ценностных координатах. Автору представляется, что в подобном контексте наиболее вероятной альтернативой капитализму становится модель рентного общества. Оно уже формируется естественным образом – в виде, общества без массового труда и ощутимого экономического роста, в котором положение индивидов будет преимущественно определяться их принадлежностью к определенной социальной группе (классу, сословию, меньшинству). Однако ключевой характеристикой политики в таких обществах становится закрытие границ, ужесточение условий доступа к гражданству, выстраивание иерархий новых сословий, протекционизм, а также все более ожесточенный передел ресурсов на внутри- и межгосударственном уровне в контексте стагнирующих рынков. Подобный сценарий угасания рыночного капитализма рисует контуры более конфликтного, неэгалитарного и опасного будущего.

Подробному разбору подвергнута проблематика кризиса западного мейнстрима в политическом нарративе Модерна. Автор исходит из того, что центральные понятия политического нарратива Модерна опираются на аксиологию и онтологию либерального консенсуса, согласно которой наиболее релевантно социальные, политические и экономические реалии современных обществ отражают такие категории, как капитализм (саморегулируемый рынок), демократия и либерализм. При этом дифференциация отклоняющихся видов либерализма, демократии и рынка становится механизмом гегемонии и легитимации глобальной западной иерархии современных обществ. Мейнстрим критикует отклоняющиеся общества в рамках неизменной бинарной схемы привилегированного/ущербного или здорового/больного, что не дает научного прироста в понимании противоречий и закономерностей любого общества, существующего здесь и сейчас. Однако, по мере того, как растущие незападные центры силы стали уверенно отвергать свою неполноценность, незападные исследовательские центры перестали удовлетворяться ролью поставщика исключительно локального эмпирического материала, подтверждающего идеологические картины мира, рисуемые мейнстримными теориями. Начался постепенный отказ от иерархии и словаря понятий западного мейнстрима, который работает с остальным миром лишь в неизменной логике фиксации его отклонений от Запада. Выяснилось, что современные общества не демонстрируют качественных различий, если анализировать их функциональное ценностно-институциональное ядро. Идеологическое отрицание собственного ценностно-институционального ядра, базирующегося на механизмах властесобственности, наследственном воспроизводстве элит и активном распределении общественных ресурсов с помощью государства (и иными нерыночными способами) является ключевым противоречием неолиберальной версии

политологического мейнстрима в ядре политического нарратива Модерна. В то же время общественные науки остались западоцентричными. Однако эта западоцентричность становится все менее оправданной, а олицетворяющие ее научные парадигмы и теории – все менее убедительными.

Хотя альтернативного языка описания проблем современных обществ пока не появилось, все большую популярность приобретают архаизирующие метафоры описания современных обществ. В контексте излагаемой парадигмы рентного подхода предлагается анализировать ряд феноменов, характерных для современных обществ, что, по мнению автора, позволяет избавиться от сомнительных морализаций по поводу конкретных способов получения ресурсов и видов их распределения, например, в виде риторики недостойного правления, дохода паразитического класса, разделения хорошей и плохой рент и т.д. (с. 396).

Завершает главу анализ морально-политических изменений позднемодерного нарратива. Морально-политическое измерение Модерна в основном представлено идеологиями. Последние во многом перенимают формат религиозных доктрин, представляя вариации секулярных, светских религий. На практике моральный универсализм многих из этих идеологий (и прежде всего либерализма) изначально ограничен. Национализм, интеллектуальный расизм, сексизм одновременно являются и ограничителями либерализма, и стабилизаторами капиталистической миросистемы, в которой либерализм является центральным политическим дискурсом. Поэтому при кризисах миросистемы все они оказываются под вопросом. Кризис идеологического обеспечения капиталистической миросистемы ведет к кризису в сфере этики, а это автоматически влечет за собой и дефицит моральной регуляции. По мере исторического исчерпания морального импульса капиталистической миросистемы вера в возможность равного развития всех стран и народов подрывается. Невозможность удовлетворения в рамках капитализма и либерализма прав людей на жизнь, свободу и собственность, приводит к становлению этики передела и установления иерархии доступа к благам и возможностям в зависимости от принадлежности к национально-культурным общностям, меньшинствам, и т.д. Все это имеет все меньше общего с начальным либеральным проектом управления человечеством собственной судьбой, превращаясь в девальвирующую ценности Модерна популизм. Поэтому либеральная идеология и позднейшая социалистическая утопия в основе нарратива глобального Модерна испытывают нарастающую критику, в связи с их расширяющимся несоответствием реальным политическим порядкам, ценностям и критериям принятия политических решений.

Таким образом, возникает явная потребность в обновлении глобального нарратива Модерна и его моральных оснований, способных компенсировать накопленные неравенства и невыполненные обещания либерализма. Будущее позднемодерного общества все чаще предстает в контексте морально-политических изменений, фиксируемых в утопическом нарративе космополитического Модерна. Варианты дальнейшего развития политического нарратива Модерна уже присутствуют в нем самом, но их реализация связана с консолидацией новых политических субъектов, желанием социально-политических перемен, политическим проективизмом, планами изменения миросистемы в целом и лишь как следствия – отдельных политических со-обществ.

Наряду с указанными выше бесспорными научными достижениями, диссертация не лишена недостатков и по ее содержанию могут быть сформулированы следующие замечания, имеющие преимущественно дискуссионный характер:

1. При всей актуальности авторских трактовок дискурса справедливости в политической традиции и культуре Модерна, в диссертации далеко не полностью, на наш взгляд, раскрываются некоторые важные моменты аналитики социальной справедливости в современной политической философии. Речь идет, прежде всего о взаимосвязи и

взаимовлиянии концепций социальной справедливости и социального государства. В современной социальной и политической теории понятия «справедливость» и «социальное государство» составляют теоретическую диаду, на основе которой формируются различные концептуальные модели «справедливого общества». Данная диада, в свою очередь, составляет онтологическое ядро политико-философского дискурса, в структуре которого идеи марксизма играют далеко не последнюю роль. Она отнюдь не нивелирует противоречия между политическими идеологиями, но постоянно «уравнивает» их в дискурсивном поле, тем самым актуализируя, казалось бы, давно забытые идеи и тексты Модерна, выявляя их новые глубинные аспекты и смыслы. Например, приверженность сторонников социализма определенным представлениям о справедливости логически вытекает из всего комплекса идей о равенстве, свободе и «справедливом государстве». В своей работе «Идеологии и политическая теория» Майкл Фриден специально отмечает, что «идеологии должны формировать концептуальные социальные карты и политические решения; они также должны это осуществлять на языке, который доступен как массам, так и интеллектуалам, как дилетантам, так и профессиональным мыслителям» (см.: Freedon M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press, 1996. p. 30). Поэтому, на наш взгляд, аргументация автора только выиграла бы, если бы анализ классического нарратива, представленного в «Теории справедливости» Д. Ролза, был дополнен анализом многообразной критической литературы, в которой обозначенная выше диада «справедливость/социальное государство» исследуется предметно в теоретическом плане (см., например: Gaus G. F. *Contemporary Theories of Liberalism: Public Reason as a Post-Enlightenment Project*. London; Thousand Oaks, 2003; Boylan M. *A Just Society*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2004; Lovett F. *Rawls's A Theory of Justice: A Reader's Guide*. London; New York: Continuum, 2011; Galisanka A. *John Rawls: The Path to a Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2019 и др.).

2. В диссертации В.С. Мартьянова, на наш взгляд, остались недооцененными многообразные теоретические дискуссии, связанные с трактовками различных теорий прогресса и той роли, которую они играли в структуре эволюции политической культуры и идеологии Модерна. В современном научном и философском дискурсах теоретическая концепция и само понятие «прогресс» принадлежат к числу наиболее сложных и дискуссионных. Даже в чисто методологическом плане к характеристикам споров, разворачивающихся вокруг данной категории, вполне применимы те суждения, которые были высказаны более десятилетия назад Р. Беллами и А. Мейсоном по поводу трудностей, связанных с формулированием и оценкой политических понятий: «Более старые тексты, посвященные политическим понятиям, стремились предлагать нейтральные определения, которые должны приниматься каждым, независимо от политических предпочтений и ценностей. К сожалению, эта задача оказалась гораздо более трудной, чем полагали ранее» (*Political Concepts*. Ed. by Richard Bellamy and Andrew Mason. Manchester and New York: Manchester University Press, 2003. p. 1). В частности, в диссертации уделяется недостаточно внимания тому многолетнему, продолжающемуся вплоть до наших дней спору, которые ведут между собой философы Франкфуртской школы и сторонники немецкой школы истории политических понятий. Речь идет, прежде всего, не только об оценке полемики Ф. Ницше против философии Модерна (см.: Koselleck R. *The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts*. Stanford, California: Stanford University Press, 2002. p. 233), но и об интерпретации Ю. Хабермасом следующих базовых идей марксизма: «Классовые общества структурно неспособны удовлетворять потребность в легитимации, которую они сами порождают... Нет никаких сомнений в том, что прогрессивные явления имеют свои репрессивные стороны. Но именно здесь начинается политическое действие» (Habermas J. *Communication and the Evolution of Society*. Transl. Thomas McCarthy. Boston: Beacon Press, 1979. p. 163; Habermas J. *Walter Benjamin: Consciousness-Rising or Rescuing Critique* //

Habermas J. Philosophical-Political Profiles. Transl. Frederick G. Lawrence. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. p. 157).

3. Вполне возможно предположить, что отсутствие внимания автора к нюансам обозначенных выше проблем тесно связано с полным игнорированием сложившейся в послевоенный период традиции интерпретации истории политических понятий, представленных, прежде всего, знаменитыми восемью томами «Исторического лексикона политико-социального языка в Германии» (Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland), изданного в 1972-1997 гг. под редакцией Отто Бруннера, Вернера Конце и Райнхарта Козеллека и, конечно, трудами представителей Кембриджской школы истории понятий – Джона Покока и Квентина Скиннера. В списке литературы работы представителей обозначенных выше немецкой и британской школ отсутствуют. А между тем, по признанию многих специалистов, современная аналитика эволюции исторической семантики Модерна начинается именно с опубликованной в немецком «Лексиконе» обширной статьи Ханса Ульриха Гумбрехта «Современный, Современность» (Modern, Modernität, Moderne) (см.: Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / Пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. с. 241-296). Различные аспекты интерпретации Модерна практически во всех статьях «Лексикона» всесторонне развивались и в работах Р. Козеллека - «Будущее прошлое: о семантике исторического времени», «Критика и кризис: Просвещение и патогенез современного общества», «Практика концептуальной истории» и др. (Critique and Crises: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, Massachusetts, 1998; Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Cambridge, Massachusetts; London, 2004; The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford, California, 2002 и др.). Мало кто из современных исследователей истории, культуры и философии Модерна может себе позволить обойтись без ссылок на работы немецких ученых, равно как и на книгу «Макиавеллиевский момент» Джона Покока (Росock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 2016) и многочисленные труды Квентина Скиннера (прежде всего, на его фундаментальное двухтомное сочинение «Основания современной политической мысли» - The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1-2. Cambridge, 1978). Рецензируемая диссертация является в этом плане *редчайшим исключением*.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют научной значимости диссертационного исследования В.С. Мартьянова. В диссертации исследована актуальная для современной российской политологии научная проблема. Автором проделана большая теоретическая работа. Основные положения и выводы диссертации представляются вполне обоснованными и характеризуются высокой степенью достоверности и новизны. Автореферат и опубликованные работы автора полностью отражают основные результаты проведенного исследования.

Заключение.

В диссертации В.С. Мартьянова детально и аргументированно сформулировано ключевое противоречие политического нарратива Модерна. Показано, что нарратив Модерна, несмотря на подрывающий его позиции ряд факторов, все еще остаётся как основанием современных наук об обществе, так и дискурсов, легитимирующих актуальные социально-политические порядки. Равноценных замен ему все еще не возникло. В то же время, нарратив Модерна продолжает доминировать лишь в той мере, в какой в нем очерчена ключевая, универсальная проблематика, исследуемая в процессе изучения современных (модерных) обществ, где бы они географически не располагались. Идеологическая же, ценностная составляющая этого нарратива, обуславливающая содержание его бинарных оппозиций нормального/ненормального, отходит на задний план

не только в силу происходящих в мире социально-политических сдвигов, но и потому, что начинает противоречить своим собственным, также находящимся в основании нарратива Модерна, критериям объективности и научности.

Положения и выводы диссертации отличаются внутренней согласованностью и обоснованностью. Исследование имеет комплексный характер. Одним из его безусловных достоинств является то, что ряд ключевых аспектов проблематики анализируется с разных сторон, что обуславливает глубину их (аспектов) проработки. Многие из используемых автором методологических подходов обладают высокой степенью теоретической достоверности, а полученные результаты – новизной и научной и практической значимостью.

Диссертационное исследование В.С. Мартьянова «Историческое становление и трансформация политического нарратива Модерна», представленное на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 – История и теория политики соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней (пп. 9-14), утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (ред. от 18 марта 2023 г.) «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор – Мартьянов Виктор Сергеевич – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 – История и теория политики.

Отзыв подготовлен доктором философских наук, профессором кафедры теории и философии политики факультета политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» Гуторовым Владимиром Александровичем.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры теории и философии политики факультета политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» 1 сентября 2023 г. (Протокол № 44/14/5-02-2).

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
и философии политики
факультета политологии
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский
государственный университет»

/В.А. Гуторов/

Подпись В.А. Гуторова заверяю:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет». Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9. Телефон: (812) 329-97-01
E-mail: spbu@spbu.ru